

Встреча в узком кругу

Встреча проходила в роскошном зале. Золотистый свет люстр тонул в высоких зеркалах, создавая иллюзию величия. Без Людмилы я чувствовала себя потерянной, чужой, и волнение нарастало при мысли о том, что я вновь увижу Посланника. Казалось, я одна так нервничаю в этом напускном спокойствии вокруг.

И вот она появилась. И я успокоилась.

Я наблюдала — внимательно, жадно. Вот русские — мужчина и женщина. Их выдавали сдержанные жесты, чуть печальные глаза. Мне хотелось подойти, заговорить, но я осталась на месте. А вот и Надежда с Украины — та самая, «пример для подражания». Я ловила себя на чувстве невероятной значимости: я здесь, рядом с Посланником. Впитывала каждый жест, каждое слово.

Когда начались вопросы, что-то внутри дёрнулось. Я встала и спросила прежде, чем осознала это:

— Что значит карма с Богом?

Время замерло. Взгляд Посланника накрыл меня, как ледяная волна, — пронизывающий, до мурашек. Я часто думала об этом перед поездкой. В Учении говорилось, что такая карма проявляется как безумие... А я ведь и правда теряла рассудок не раз. В чём моя вина? Мне хотелось разобраться в этом, получить ключ.

Но Татьяна Николаевна уклонилась от ответа, не стала раскрывать эту тему. Я села, раздавленная и разочарованная. Не получив ни ключа, ни ясности.

Транзитная зона

Я лишь чувствовала кожей: на каком-то тонком, невидимом плане происходит нечто важное и я — всего лишь молчаливый инструмент в этой странной операции. Моей единственной задачей было вынести это, не сломаться и ни единым мускулом, ни одним взглядом не выдать окружающим свой всепоглощающий ужас. Спасательным кругом стали Владыки — я вспоминала их Призывы и беззвучно их повторяла про себя. Я твёрдо решила: всё происходящее нереально, это лишь иллюзия. Что бы ни бушевало внутри, я уже выдерживала это много раз — а значит, выдержу и сейчас. Это мой личный жестокий экзамен на прочность. И он всё равно закончится.

В наушниках, словно в такт этой внутренней битве, звучал странный дуэт: то древняя мантра Шиве — разрушителю и созидателю, то умиротворяющая православная молитва Богородице. Все остальные мелодии бесследно исчезли, будто их и не было, оставив меня наедине с этим вечным диалогом двух безмолвных сил.

Я закрыла глаза, пытаюсь переварить этот неземной ужас, и в этот момент услышала глухой удар. На каменный пол упал мужчина, потеряв сознание. На вид — обычный бомж. Люди в зале ожидания лишь на мгновение задержали на нём взгляды, не выражая ни участия, ни желания помочь. Меня пронзила ледяная дрожь; я не могла пошевелиться, лишь мысленно начала отчаянно молиться, вкладывая в каждое слово одну-единственную просьбу: «Только бы не умер».

Вскоре подошли двое вокзальных служащих с огромной железной тележкой. Они взвалили на него бесчувственное тело с такой же привычной лёгкостью, как грузят багаж. Грохот колёс по каменному полу оказался сильнее обморока — мужчина неожиданно очнулся и стал судорожно выбираться из металлических объятий тележки. Служащие не препятствовали. Он, пошатываясь, отошёл к стене и приник к окну.

Мне показалось, он просто измождён голодом. Не раздумывая, я отдала ему свой дорожный паёк, оставшийся от Омска, приберегла лишь пакет молочного коктейля. Он взял еду безразлично, под пристальным и безмолвным взором всего зала ожидания. И в тот миг, когда я оказалась с ним рядом, я увидела. Нет, не его изнурённое лицо, обветренную кожу, спутанные волосы — а иной, проступающий сквозь них лик. Образ страждущего Христа, знакомый по иконам.